

все тайны земли

все тайны москвы

Все тайны Земли

Александр Попов
Все тайны Москвы

«Издательство АСТ»

2010

Попов А.

Все тайны Москвы / А. Попов — «Издательство АСТ»,
2010 — (Все тайны Земли)

«Сколько лет существует Москва, столько лет говорят о том, что место это необычное. Кто-то считает его проклятым, кто-то священным, а кто-то просто мистическим... Долю правды можно найти в любом из этих утверждений». Все тайны Москвы, со времен Юрия Долгорукого и до наших дней. Все призраки, московские и подмосковные, уроженцев и «понаехавших», богатых и бедных, знаменитых и безвестных, но в равной мере тщетно пытающихся найти успокоение. Все дома с привидениями и просто места, где творится нечто рационально необъяснимое. Все кладбища и захоронения, уже исчезнувшие и до сих пор сохранившиеся, с их обитателями, ведущими порой весьма активный образ жизни... Всё, на чем построена Москва. Всё, что скрывает Москва. Всё, что Москва может открыть, если оказаться в нужное время в нужном месте.

© Попов А., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Призрак Ивана Калиты	7
Призрак Василия Темного	8
Призрак Ивана Грозного	9
Призраки жен Ивана Васильевича	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Попов

Все тайны Москвы

Предисловие

Сколько лет существует Москва, столько лет говорят о том, что место это необычное. Кто-то считает его проклятым, кто-то священным, а кто-то просто мистическим... Долю правды можно найти в любом из этих утверждений.

Попытавшись выяснить, «с чего Москва начиналась», мы сразу же узнали, что князь Юрий Долгорукий, направляясь в 1158 году из Киева во Владимир, увидел посреди болота «огромного чудного зверя. Было у зверя три головы и шерсть пестрая многих цветов... Явившись людям, чудесный зверь затем растаял, исчез, словно туман утренний». Следовавший с князем греческий мистик тут же объяснил видение, сказав, что в этих местах «встанет град превелик треуголен, и распространится вокруг него царство великое. А пестрота шкуры звериной значит, что сойдутся сюда люди всех племен и народов».

Вот такое вот у Москвы мистическое начало. И тут же, как слишком часто происходило в истории нашего города, за мистикой последовала кровь.

Миновав болото, Долгорукий увидел поместье боярина Кучки – город, называвшийся Кучков. Князь решил здесь остановиться, но Кучка, подозревая, видимо, что такой человек на постой просится к нему не просто так, принять Долгорукого отказался, или, как утверждает летопись, «не почте великого князя подобающею честию». Более того, заявил, что все беглые из владими́ро-суздальских вотчин стекаются к нему, и вскоре он станет вровень с Юрием.

Долгорукий тут же повелел «того боярина ухватити и смерти предати». Город после непродолжительного боя взяли, а Кучка вместе со своим воеводой Букалом бежал в лес, где был настигнут суздальской дружиной и убит. Детей же Кучки, которые, по мнению Долгорукого, за отца не отвечали, князь пощадил: дочь боярина Улиту он выдал замуж за своего сына Андрея Боголюбского, а сыновей Якима и Петра взял к себе слугами.

Спустя много лет Улита, гуляя по лесу, встретила древнего отшельника, бывшего воеводу Букала, который поведал ей, как погиб ее отец. Улита в гневе вернулась в Москву и пересказала эту историю братьям. Долгорукий к тому времени уже умер, и потому вину за кровь отца решили положить на Андрея Боголюбского, мужа Улиты. Князя подстерегли, когда он отправился на охоту, но тот сумел уйти от преследователей. Загнав коня, князь оказался на берегу реки, где, увидев перевозчика, попросил доставить его на другой берег. Но тот, взяв у князя плату, уплыл прочь.

Настала ночь, и Боголюбский, понимая, что его ищут, спрятался для ночевки в сруб-могилу. Кучковичи же, переночевав в Москве, наутро возобновили поиски, взяв с собой, по совету Улиты, любимого пса князя. Тот и привел их к срубу, радостно виляя хвостом. Князь был убит, и на Москве снова взяли власть Кучковичи. Однако долгим их правление не было: слуга Андрея, Давыд, бежал к брату Боголюбского – Даниилу Юрьевичу Киевскому, и тот пришел в Москву с войском. Москвичи гадать не стали и выдали Кучковичей брату убитого князя. Даниил казнил обоих братьев и сестру, а чтобы лишить их души вечного упокоения, приказал тела земле не предавать, а положить в берестяные короба и пустить в озеро.

Так в Москве появилось первое привидение. Короба, как гласит легенда, до сих пор всплывают по ночам на поверхность озера, то ли желая отомстить неверным москвичам, то ли просто потому, что вода и земля отказываются (по утверждению тех же москвичей) принять тела злодеев.

Даниил же возвращаться в Киев не стал и сделался московским князем. А одно из московских урочищ (в районе Сретенских ворот, Чистых прудов и Лубянской площади) еще весьма долго именовалось Кучковым полем.

Казалось бы, для основания Москвы достаточно одной истории с убийствами, но нет. Само сердце новой княжеской столицы, Кремль, был заложен на Ведьминой горе, которая позже обрела название Боровицкого холма. Издавна, еще до Кучки, здесь находилось языческое капище, куда местные жители приносили младенцев для посвящения и умерших для облегчения тем ухода в иные миры. А оставленные здесь на ночь копыя в бою никогда не тупились.

Вокруг этого проклятого места и стал расти новый город. Но и этого духам, охраняющим столицу, показалось мало. Когда Петр I решил разработать план строительства города, он поручил это Якову Брюсу, известному колдуну и чернокнижнику. И тот, взяв Кремль за центр Москвы, разделил ее, согласно знакам зодиака, на двенадцать секторов. Так и стало вестись строительство.

Спустя почти три века, строя уже в советской Москве метро, Иосиф Сталин, интересовавшийся работами Брюса, заложил в схеме ту же зодиакальную систему. Началу Овна соответствует станция метро «Курская», следующая остановка «Таганская» начинает сектор Тельца, «Павелецкая» – Близнецов, «Добрынинская» – Рака, «Октябрьская» – Льва, «Парк культуры» – Девы, «Киевская» – Весов, «Краснопресненская» – Скорпиона, «Белорусская» – Стрельца, «Новослободская» – Козерога, «Проспект Мира» – Водолея и «Комсомольская» – Рыб.

Ну как такому городу не наполниться мистикой и загадками!

«Бродя по Кремлю, слушая раздающиеся подземные звуки, исходящие, как грезится вам, из самих могил, вы начинаете верить в сверхъестественное», – писал путешественник маркиз де Кюстин. Некоторые готовы отнести эти слова маркиза ко всей Москве...

Глава 1

Призраки князей московских

Призрак Ивана Калиты

Призрак Ивана I Калиты следует по праву считать самым древним московским призраком, так как по поводу нахождения озера с всплывающими Кучковичами существуют некоторые разногласия, и некоторые считают, что оно находится на территории нынешней Владимирской области.

Калита родился в 1288 году, а правил в Москве с 1325-го по 1340-й, до своей смерти.

Иван I усилил московско-ордынское влияние на ряд городов севера Руси (Тверь, Псков, Новгород и др.), да и вообще «собирал земли», используя татарские ярлык и войско и проливая русскую кровь. Но, впрочем, еще он весьма любил земли просто покупать. Приобрел, например, Углич, Галич Мерский и Белоозеро. Помимо этого, Калита выменял и купил множество сел около Костромы, Владимира, Ростова, вдоль рек Мста и Киржач и даже в Новгородской земле, где законы запрещали князьям покупать земли.

А получив кусок территории, он начинал с него распространять свою власть во всем остальном регионе. Прозвище Калита означает «кошель», «денежная сумка». Появилось оно потому, что князь был весьма богат. Хотя по другой версии, он постоянно носил с собой калиту, чтобы подавать нищим. Впрочем, одно другого не отменяет. Также прославился Калита и тем, что, во-первых, сумел прекратить беспорядочные набеги татар на Русскую землю, а во-вторых, совершенно искоренил татей и разбойников.

Погребен Калита в Архангельском соборе. Наверное, потому его и видят на территории Кремля. Он появляется в сумерках и потрясает своим кошельком. Говорят, в последнее время он стал почему-то показываться весьма часто. Что он имеет в виду – непонятно...

Призрак Василия Темного

Василий II Васильевич Темный (1415–1462) – великий князь московский с 1425-го, праправнук Калиты, тоже любит на современных москвичей посмотреть и себя им показать.

Высланный в 1433 году из Москвы захватившим великокняжеский престол звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, Василий получил звание князя коломенского. «Сей город сделался истинной столицей великого княжения и многолюдной и шумной», – пишет Н. М. Карамзин о Коломне того времени. В Коломну стали стекаться сторонники «собира-ния земель», и вскоре Василий сумел вернуть себе московский трон, но впоследствии еще несколько раз его лишался.

Претензии современников к этому князю были просты: когда в 1446 году Василия захватили в Троице-Сергиевой лавре, то от имени Дмитрия Юрьевича Шемяки, Ивана Можайского и Бориса Тверского ему было, по уверению Карамзина, сказано: «Для чего любишь татар и даешь им русские города на кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпашь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего, Василия Косого?» После этого и сам Василий был ослеплен, отчего и получил прозвище Темный. Его, вместе с женой, отправили в Углич, но в 1447 году он посетил Ферапонтов монастырь и, получив благословение Мартиниана на поход против овладевшего Москвой Дмитрия Шемяки, сумел снова вернуть себе трон. Умер Василий от «сухотной» болезни, то есть туберкулеза.

Появляется он обычно в Кремле. Видно его фигуру очень плохо, она почти прозрачная, грязно-серого цвета. Голова его задрана вверх, как обычно у слепых, и он надсадно кашляет. Говорят, что он появляется обычно перед какими-либо изменениями в отношениях церкви и государства. Именно Василий Темный ввел на Руси митрополичество.

Говорят, что он являлся Петру I, отменившему патриаршество и введшему синод, и грозил ему. Возможно, именно поэтому Петр и не любил Москву?

Призрак Ивана Грозного

Привидение Ивана Васильевича Грозного облюбовало Кремль и за его пределами никогда не появляется. И правда, не царское это дело. Появляется Иван Грозный тоже лишь по вполне царским поводам, предвещая смутные времена в жизни нашей страны.

Грозный не только сам является призраком, но и почти всех своих жен оборотил в привидения. Уникальный случай, кстати.

Иван Васильевич родился 25 августа 1530 года в селе Коломенском под Москвой. Он был сыном великого князя московского Василия III и Елены Глинской. По отцовской линии он вел свой род от Ивана Калиты, а по материнской – от Мамая, считавшегося родоначальником литовских князей Глинских. Бабка же его, Софья Палеолог, и вовсе была племянницей последнего византийского императора Константина XI.

Сам Иван Грозный любил возводить свою родословную к римскому императору Августу, но прославился он отнюдь не знатностью происхождения... Первый свой смертный приговор Иван вынес в тринадцать лет, велел убить, отдав псарям, князя Андрея Шуйского. А секс Грозный познал даже раньше крови: когда ему было одиннадцать лет, он изнасиловал служанку. Любимым развлечением мальчика было сбрасывание с крыши кремлевских дворцов и с колоколен храмов собак и кошек.

Нетрудно понять, почему мальчик рос именно таким, – достаточно посмотреть на атмосферу, что его окружала. Его отец, Василий III, предвидя свою скорую смерть, сформировал для управления государством «съемочи-сленную» боярскую комиссию, которая должна была «беречь» Ивана до достижения тем пятнадцатилетия. Ближайшими претендентами на трон, кроме малолетнего Ивана, были младшие братья Василия, князь старицкий Андрей и князь дмитровский Юрий. Умер Василий III 3 декабря 1533 года, а уже через восемь дней основной претендент на трон – дмитровский князь Юрий был мертв.

Вышло так, что различные политические события рассеяли боярскую комиссию, и, чувствуя слабость власти, Андрей Старицкий в 1537 году попытался захватить трон. Но был заперт в Новгороде и, вынужденный сдаться, закончил жизнь в тюрьме.

Мать же Ивана, княгиня Глинская, жила с Иваном Федоровичем Телепневым-Оболенским. Это вызывало массовое осуждение, и Иван не мог этого не чувствовать. Оболенский же, удаляя из Москвы влиятельных бояр, все больше подминал под себя власть в государстве. Практически гамлетовская коллизия.

Но в апреле 1538 года тридцатилетняя Елена Глинская умерла, а через шесть дней бояре арестовали Оболенского, и тот весьма быстро скончался в заключении от «недостатка пищи и тяжести оков».

Наступило и вовсе тяжелое время: как говорит летопись, бояре «кийждо себе различных и высочайших санов желаху... и нача в них бытии самолюбие, и неправда, и желание хищения чужого имения. И воздвигоша велию крамолу между себе, и властолюбия ради друг друга коварствоваху... на своих друзей востающе, и дома их и села себе притежаша и сокровища свои наполниша неправедного богатства».

Как только Ивану исполнилось пятнадцать лет, он попросил митрополита Макария венчать его на царство. Многие видят в этом знак того, как Иван рано созрел для власти и как рано начал беспокоиться о судьбах своей страны.

16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля на Ивана возложили шапку Мономаха. Царский титул позволял занять существенно иную позицию в дипломатических сношениях как с Западной Европой, так и с восточными странами.

Великокняжеский титул иностранцы переводили как «принц» или даже «великий герцог», но «царь» уже равнялся «королю». Так Москва, обретя, подобно разрушенной Византии, христианского царя, стала наследницей Царьграда, Константинополя.

Царская родня – Глинские, после венчания Ивана на царство, обрела большое влияние. Но тут же судьба показала Ивану, что власть – дело весьма сложное и опасное.

В 1547 году в Москве бушевали пожары. В апреле случился сильный пожар в Китай-городе, а еще через неделю сгорели кварталы за Яузой. В конце июня в течение двух дней полыхали Арбат и Кремль, а также уцелевшие части Китай-города, Дмитровка, Мясницкая, Тверская. Население тогдашней Москвы составляло около ста тысяч, а после этого пожара было найдено 3700 обгорелых трупов. Поползли слухи, что Глинские спалили город колдовством, что якобы княгиня Анна разрывала могилы и вырезала сердца покойников, а затем, высушив их, толкла в порошок и сыпала в воду, которой окропляла улицы и дома.

21 июня 1547 года, сразу после пожара, тяглый (то есть платящий тягло, налоги) люд собрался на вече на Соборной площади, и вскоре разбушевавшаяся толпа убила Юрия Глинского. Затем собравшиеся отправились по Москве жечь дворы других Глинских, что уцелели после пожара, а 29 июня бунтовщики добрались и до села Воробьево, где укрывался Иван IV, и потребовали выдачи остальных родственников его матери. С большим трудом удалось доказать толпе, что Глинских здесь нет. Бунт этот не был стихийным: его организовывали и направляли те бояре, которые сочли, что родственники царя получили слишком много власти. В числе организаторов и вдохновителей оказался и духовник Ивана Феодор Бармин.

Как только опасность миновала, все заговорщики были Иваном казнены. В самом начале своего царствования он ощутил, что такое бунт и что такое стоять лицом к лицу с разгневанным народом. И все его правление прошло с желанием избежать повтора этой ситуации. Иван стал проводить реформы, одни из которых вели к большей централизации государства, другие же увеличивали свободы народа: было отменено кормление, подтверждено право свободного перехода крестьян, крестьянским общинам было дано право самоуправления. Стрельцы были все вооружены огнестрельным оружием, что делало русскую армию самой грозной в Европе, где часть пехотинцев (пикинеры) в то время имела только холодное оружие. Начал теснить Иван и древнюю родовую знать, издав «Приговор о местничестве».

Все эти реформы требовали большой воли их вершителя, а также беспрекословного подчинения знати. Правил Иван вместе с так называемой «Избранной радой» – неким неформальным правительством.

Но многие из бояр, входивших в этот узкий кружок, хотя и не были против реформ, говорили царю, что не стоит проводить их такими быстрыми темпами. Со временем и увеличением перемен сопротивление рады возросло, и Иван, уже не желавший слушать иного мнения, в 1560 году отправив нескольких ее членов в опалу, фактически прекратил ее деятельность.

Сдерживающих факторов для характера Ивана не осталось, и в среде знати начались волнения: все больше бояр бежали за границу. Дважды, например, пытался бежать за рубеж и дважды был прощен И. Д. Бельский, были пойманы при попытке к бегству и прощены князья

В. М. Глинский и И. В. Шереметев. Зимой 1563 года перебежали к полякам боярин Колычев, Т. Пухов-Тетерин, М. Сарохозин. В апреле 1564 года в Польшу перебежал Андрей Курбский... Покидали Русь и еще десятки знатных людей, что, понятно, не добавляло в ее пределах порядка и спокойствия. И не улучшало настроение Ивана. Начались казни. Поводом для них могло послужить что угодно: Юрий Кашин был казнен за отказ плясать на пиру в скоморошьей маске, Дмитрий Оболенский-Овчина – за то, что попрекнул Федора Басманова его гомосексуальной связью с царем, а известный воевода Никита Васильевич Шереметев – за ссору с Басмановым.

Между тем собравшиеся в рубежах Литвы и Польши бояре хотели вернуться на родину и, понимая, что такое возможно лишь с исчезновением Грозного, начали готовить вооруженный поход на Москву.

В декабре 1564 года была предпринята попытка вооруженного мятежа против царя, которая весьма испугала Ивана. 3 декабря царь вместе с семьей внезапно выехал из столицы на богомолье, прихватив с собой казну, личную библиотеку, иконы и символы власти. Посетив село Коломенское, он не стал возвращаться в Москву, вместо этого, проскитавшись несколько недель, остановился в Александровской слободе нынешней Владимирской области. А 3 января 1565 года он отправил в Москву гонца с известием, что от престола по причине гнева на бояр, церковных, воеводских и приказных людей он отрекается.

В Москве началась паника: какой бы ни был царь, но оказаться в «обесгосударенной» стране было, по мнению тогдашних россиян, еще хуже. Уже через два дня в Александровскую слободу прибыла делегация, которая уговорила Ивана вернуться на царство.

Появившись в начале февраля 1565 года в Москве, Иван объявил, что принимает на себя царские обязанности лишь с тем условием, что может казнить изменников, налагать на них опалу, лишать имущества «без доуки и печалований» со стороны духовенства, а также учреждает в государстве опричнину. Слово «опричнина» происходит от древнерусского «опричь», то есть «кроме» или «особый». Еще так называлась вдовья доля, выделяемая после смерти князя его вдове.

Естественно, условия Ивана были приняты.

Страна была разделена на две части: «Государеву светлость опричнину» и земство. В опричнину попали, в основном, северо-восточные русские земли, а ее центром стала Александровская слобода.

Но опричнина мало кому нравилась: члены Земского собора 1566 года подали челобитную об ее отмене, собрав под ней 300 подписей. Все подписавшиеся тут же оказались в тюрьме, большинство, впрочем, по заступничеству митрополита Филиппа отпустили. Но, тем не менее, пятьдесят из них подвергли «торговой казни» – битью кнутом на площади, нескольким урезали языки, а троих обезглавили.

Иван сформировал отряд в 1000 человек, отобранных из опричных уездов. Они принесли клятву на верность царю и обязались не общаться с земскими. Позже число опричников достигло 6000 человек. Также в опричное войско были включены отряды стрельцов с опричных территорий.

Даже в воздухе, по воспоминаниям современников, витало ощущение страха. Но митрополит московский Филипп, изначально возражавший против введения опричнины, сумел на некоторое время утихомирить царя.

Вернувшись зимой 1568 года из первого ливонского похода, где он узнал о переписке польского короля Сигизмунда и бояр, Иван начал новую волну террора. Филипп сначала беседовал с царем с глазу на глаз, пытаясь прекратить убийства, но Иван начал просто избегать Филиппа, и тот был вынужден начать проповедовать о нехристианском поведении государя с амвона. 22 марта 1568 года в Успенском соборе Кремля, когда Иван вместе с опричниками пришел на богослужение в черных ризах и высоких монашеских шапках, а после литургии подошел к Филиппу за благословением, тот обратился к нему с обличительной речью:

«В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю Царя Православного; не узнаю и в делах Царства... О Государь! Мы здесь приносим жертвы Богу, а за олтарем льется невинная кровь Христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! В самых неверных, языческих Царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям – а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем Царским! Ты высок на троне; но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его? Обагранный

кровию невинных, оглушаемый воплем их муки? Ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести!...»

Иван в ответ «ударил своим жезлом оземь и сказал: „Я был слишком милостив к тебе, митрополит, к твоим сообщникам в моей стране, но я заставлю вас жаловаться“. На следующий день аресты и казни продолжились и затронули уже и окружение митрополита. Филипп в знак протеста переехал из Кремля в один из московских монастырей. Но Иван, опасаясь народного гнева, трогать митрополита пока боялся.

28 июля, когда Филипп служил в Новодевичьем монастыре, он заметил, что один из опричников во время чтения Евангелия не снял шапки. Филипп сказал об этом царю, но опричник быстро шапку сдернул, и Иван, не увидев никого в головном уборе, разозлился и назвал митрополита «лжецом, мятежником, злодеем». Поняв, что в одной стране им не ужиться, он отдал приказ о подготовке над Филиппом церковного суда, с целью сместить его с должности по закону. Суд состоялся в ноябре, но представленное обвинение было настолько слабым и абсурдным, что некоторые из «свидетелей», несмотря на страх перед государем, даже отказались его подписывать.

Филипп, видя, к чему идет дело, заявил: «Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях!» – после чего сам сложил сан. Но Грозный не принял этого и велел ему служить в день архангела Михаила в Успенском соборе. И уже на службе Басманов громогласно объявил о лишении митрополита сана. Тут же опричники сняли с Филиппа святительское облачение, одели в разодранную монашескую рясу и изгнали «из церкви яко злодея и посадиша на дровни, везуще вне града ругающиеся... и метлами бьюще».

Иван хотел Филиппа сжечь, но духовенство упросило его этого не делать, и бывший митрополит был осужден на вечное заключение. Его ноги забили в деревянные колодки, руки заковали в железные кандалы и содержали в монастыре Николы Старого, где морили голодом. Иван же, казнив племянника святителя, прислал Филиппу голову, зашитую в кожаный мешок: «Вот твой сродник, не помогли ему твои чары». Вскоре митрополит был сослан в Тверь, но Грозный все не мог успокоиться и одного за одним казнил его родственников.

А через год к Филиппу приехал Малюта Скуратов и попросил благословения на новгородский поход: царь подозревал, что Новгород хочет отложиться к Польше. Филипп отказал, и Малюта задушил его подушкой. Понятно, что убийство столь видного человека могло быть санкционировано только царем.

Новгородский же поход закончился заключением тамошнего епископа Пимена, возглавлявшего, кстати, суд над Филиппом, и массовыми убийствами: Иван велел обливать новгородцев зажигательной смесью и затем, обгорелых и еще живых, сбрасывать в Волхов. По свидетельству очевидцев, от обилия мертвых тел река вышла из берегов. Современные ученые считают, что было убито до 15 000 человек, включая младенцев, при общем населении тогдашнего Новгорода в 30 000 человек. Только в одной из могил, где хоронили утопленных в Волхове, археологами было обнаружено 10 000 останков.

«Новгородскую измену» царь продолжил расследовать и по возвращении в Москву. В столице было обвинено 300 человек, и казнь назначили на 25 июля 1570 года на Поганой луже.

Но Грозный никогда не забывал о «милосердии» – он слишком боялся народа. 184 человека были тут же помилованы, остальные казнены разными пытками. Дипломата и печатника Висковатого заживо изрезали на мелкие кусочки, казначея Фуникова умертвили попеременно обливая то кипятком, то холодной водой. Иван не только присутствовал при этих казнях, но и принимал в них непосредственное участие.

Попали в жернова террора и основатели опричнины: сына Алексея Басманова Федора заставили отрубить отцу голову, а потом казнили и самого. Интересно, что центральное лицо «заговора», Пимен, казнен не был, его всего лишь отправили в ссылку. Убитых, чьи имена

«сам ты, Господи, веши» Иван внес в свой синодик, он регулярно поминал в церкви. Но казни в Москве продолжались. Иван всегда принимал в них участие и придумывал все новые способы мучений: раскаленные сковороды, печи, клещи, тонкие веревки, перетирающие тело, и т. п.

Конец опричнины был неожидан: в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей не только вошел на Русь, но и сжег Москву. Опричники, привыкшие разбираться лишь с мирным населением, просто попрятались. После отражения нападения хана Грозный отменил опричнину, и даже запретил произносить это слово. Но все-таки, под именем «государева двора», она существовала до самой его смерти.

Сталин видел в опричнине явление положительное и на встрече с кинематографистами по поводу второй части фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» (в итоге запрещенной) сказал: «(Эйзенштейн) изобразил опричников как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского ку-клукс-клана... Войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У него старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали как репрессии Николая II и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило. В наше время другой взгляд на это».

Сталин был прав в том, что нельзя не признавать заслуги Грозного в государственном строительстве. Другое дело, что это строительство, рассчитанное только на сиюминутный результат, в итоге привело к страшным годам Смуты. Но об этом мы поговорим в других главах. Пока же необходимо сказать то, что Грозный присоединил к России Казанское и Астраханское царства, расширил влияние страны на юге, западе и в Сибири, добился безопасного выхода страны к Балтийскому морю.

Но за это была уплачена слишком большая цена: в крымско-татарский набег 1571 года были не только разорены южные русские земли, но и погибли десятки тысяч людей, а более 150 000 русских уведены в рабство. Иван бежал из Москвы от войска хана сначала в Серпухов, затем в Бронницы, потом в Александровскую слободу, а оттуда – в Ростов.

Хан прислал царю грамоту: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял».

Грозный униженно ответил: «Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить», – а к приехавшим татарским послам вышел в сермяге, сказав: «Видишь-де меня, в чем я? Так-де меня царь (хан) зделал! Все-де мое царство выпленил и казну пожег, дати-де мне нечево царю». Тут же он выдал Девлет-Гирею мурзу, который перешел в Россию и принял православие. Но эти уступки хана не удовлетворяли: тот хотел вернуть все целиком и получить еще и денежный оброк.

Летом следующего года хан решил окончательно покончить с Русью и отправился на нее со 120-тысячным войском. Однако М. Воротынский и Д. Хворостинин, имея в своем распоряжении всего около 60 000 человек, не только разгромили хана при Молодях, но и положили конец турецко-татарской экспансии в Восточной Европе. В Крым вернулись, по разным оценкам, всего от десяти до пятнадцати тысяч воинов.

Но уже в следующем году Воротынский был обвинен в намерении околдовать царя и умер под пытками. Иван, по свидетельствам очевидцев, сам подгрел посохом угли под его ноги. Как тут не вспомнить о том, как поклонник Грозного Сталин опасался полководцев, выигравших Отечественную войну.

Однако не стоит думать, что Грозный закончил свои игры с властью и народом. В 1575 году Иван сложил с себя царские полномочия и стал называться Иваном Московским, а на царство венчался сын Бек-Булат-султана, правнук хана Золотой Орды Ахмат-хана, Саин-Булат-

хан. Вместе с отцом он перешел на службу к Грозному, участвовал в ливонских походах 1570 годов, а в крещении стал Симеоном Бекбулатовичем.

Грозный писал ему письма, смиренно называя себя «Иванец Васильев с своими детишками», ездил по Москве, как простой боярин, жил на Петровке, а всю роскошь царствования обрел Симеон Бекбулатович. Продолжалось это одиннадцать месяцев. Ни современники, ни историки так и не смогли объяснить смысла этой рокировки Ивана Грозного. Существуют несколько версий. Согласно одной, это было вызвано еще одним витком террора и расследованием новой новгородской измены, согласно второй – волхвы предсказали Ивану, что в «этот год государь московский умрет». Но как бы то ни было, Иван в конце концов вернулся на престол, а Симеон Бекбулатович стал князем тверским.

Современное обследование останков Грозного показало, что в последние годы жизни у него развились остеофиты (солевые отложения на позвоночнике), а современники указывали, что Иван Васильевич не мог ходить, и его перемещали на носилках. В свои пятьдесят с небольшим лет царь выглядел дряхлым стариком. Так что вряд ли Годунову было необходимо травить царя, как утверждала молва. Но, с другой стороны, именно преждевременная смерть, как показывает практика, толкает душу на скользкий путь появления в образе привидения. Умер Грозный то ли от старости, то ли от яда, то ли от удушения 18 марта 1584 года, в возрасте пятидесяти трех лет. Современное исследование мышьяка в его останках не обнаружило, правда, отыскало достаточное количество ртути. Впрочем, этим металлом в те годы лечили многие болезни, в том числе и сифилис, которым был болен Грозный. Так что версию насильственной смерти нельзя считать ни подтвержденной, ни опровергнутой.

Призраки жен Ивана Васильевича

Рассказ о Грозном все-таки не будет полным, если не упомянуть его жен.

Первой стала Анастасия, дочь вдовы Захарьиной. Сразу после венчания Ивана на царство ему начали подбирать подходящую жену. Ради этого знатные сановники, окольные и дьяки объехали всю страну, затем произвели смотр невест. Иван при выборе, как указывали летописи, руководствовался не знатностью рода, а личными достоинствами претендентки. Анастасия, говорят, из-за своей скромности у других невест вызывала насмешки. Сам Иван, впрочем, от скромности был далек:

бояре постоянно, борясь за его расположение, подсовывали Ивану девушек, и по некоторым оценкам до свадьбы у него было уже около трехсот женщин.

Этот брак продлился 13 лет, а летом 1560 года Анастасия внезапно умерла. Некоторые исследователи связывают перемену в характере царя именно с этой смертью – она усилила все болезненные наклонности Ивана Васильевича. Но все-таки влияние вдовства на характер государя сильно преувеличено: по воспоминаниям современников, совместное счастье продлилось фактически всего две недели, а потом Иван начал вести прежнюю жизнь: с охотой, играми и оргиями. Только во дворце, при живой жене, содержалось около пятидесяти наложниц.

Анастасия родила Ивану шестерых детей, из которых дочери и сын Дмитрий рано умерли, а двое сыновей, Иван и Федор, выжили. Интересно, что Иван полностью унаследовал отцовскую дикость и жестокость, а Федор – стремление к строению государства и глубокую веру в Бога. Впоследствии Иван был убит отцом из-за того, что заступился за избитую царем свою жену.

Призрак Анастасии часто видят на московских старинных кладбищах, а также в тех местах, где были кладбища во времена ее жизни. Она одета в белое и неслышно, потупив глаза, скользит над землей. Особенно часто ее видят в Даниловом монастыре (ул. Даниловский Вал, 22, ст. м. «Тульская»).

Священник Р. вспоминает, что однажды он шел с другим священником мимо резиденции патриарха, которая стоит на месте древнего, снесенного в 30-е годы прошлого века некрополя, и что-то заставило его обернуться. Их нагоняла полупрозрачная высокая женщина, закутанная в белый плащ. «Она не шла, – рассказывал батюшка, – а как бы летела немного над землей. Я замер и тут же перекрестился. Проходя мимо меня, она не столько прошептала, сколько как-то прошелестела: „Не бойся меня“ – и где-то через несколько метров исчезла. Я в изумлении обратился к бывшему со мной отцу: „Ты видел?“ Но он лишь пожал плечами: „Какое-то дымное облачко?“ Я же разглядел эту женщину очень четко, вплоть до малейших нюансов. С тех пор ее поминаю за проскомидией».

Через год царь вступил во второй брак, сочетавшись с Кученей, во крещении Марией, дочерью черкесского князя Темрюка. Год отсрочки был вызван вовсе не скорбью по первой жене: черкешенка совсем не говорила по-русски и не была крещена. Время ушло просто на ее подготовку к браку.

Вторая жена оказалась полной противоположностью первой: она принимала самое активное участие в диких развлечениях русского государя, присутствовала на медвежьих травлях и охотно наблюдала с кремлевских стен публичные казни. Любила она и кровавые расправы, порою сама науськивала царя на бояр. Понимая, что единственный шанс остаться в «любимых» женах у нее – это потакать сладострастию мужа, Мария не только окружила себя красивыми девушками, но и сама указывала мужу, какую взять. Впрочем, и сама она частенько меняла любовников, особо не скрывая это от Ивана. Вместе с ней прибыл в Москву и ее брат Темрюк, в крещении Михаил, обладавший подобными же нравами.

Но со временем Иван начал подозревать, что царица желает вместе с братом отнять у него трон. Он посадил ее под жесткий надзор, и черкешенка 1 сентября 1569 года скончалась. Говорили, что царь отравил ее, но доказательств этому нет.

Призрак Марии появляется в центре Москвы, на местах кровавых преступлений. Один из московских милиционеров рассказывал, что еще в 1990-е годы однажды они прибыли на место убийства одного из преступных авторитетов, и тот был еще жив. Ночь, людей вокруг практически не было, и милиционер очень удивился, увидев, что неподалеку от трупа стояла женщина кавказской внешности в странной одежде и делала руками какие-то непонятные знаки, будто бы радовалась или восторгалась. Он, думая, что это или знакомая пострадавшего, или просто свидетельница, направился было к ней, но, когда оставалось всего несколько метров, фигура женщины начала таять и исчезла.

Вскоре после смерти Марии Иван объявил, что готов вступить в третий брак. В Москву свезли на выданье 1500 боярских дочерей. Из них на многомесячном смотре отобрали сначала 24, а потом из них – 12. На последнем смотре этих двенадцать заставили раздеться догола, и Иван вместе с сыном Иваном внимательно осмотрел их всех (кстати, в те времена будущий жених до свадьбы не мог видеть даже лица невесты). Иван выбрал Марфу, дочь Ивана Собакина, сокольничего, который, хоть и числился при дворе, проживал в своей дальней вотчине. Началась подготовка к свадьбе. Между тем брат покойной Марии Михаил Темрюк зачастил в семейство Собакиных и как-то угостил боярышню засахаренными фруктами. После этого она, и так не отличавшаяся полнотой, стала худеть, у нее начались болезненные припадки.

Грозному доложили об этом, но он все равно решил венчаться. А через две недели после свадьбы Марфа скончалась, и Грозный даже не провел с ней ночь. Михаил был посажен на кол, а также казнены еще несколько бояр, которых заподозрили в соучастии. Три недели расстроенный царь провел в заточении, никого к себе не допуская, а затем целый год старыми проверенными методами пытался забыть молодую жену.

Призрак Марфы Собакиной появляется в Москве перед большими пожарами. Видели ее, в частности, перед тем как в 2004 году сгорел Манеж, на его ступенях. Свадьба Грозного с Собакиной была перенесена из Москвы в Александровскую слободу как раз потому, что столицу захватил крымский хан, который потом ее сжег. Возможно, потому Марфа и пытается предупреждать москвичей о пожарах.

Согласно пятидесятому правилу Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской (ок. 330–379), третий брак является нарушением канонов: «На троебрачие нет закона; посему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем как на нечистоты в церкви, но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшие нежели распутное любодеяние». И когда царь решил жениться снова, церковь уже решительно восстала. На этот брак Ивану пришлось получать соборное разрешение. Выбрал он Анну Алексеевну Колтовскую, которая была в «финале» вместе с Собакиной.

Колтовская оказалась женщиной волевой, проказы царя занимали ее мало, она так же, как и Мария, завела на женской половине целый гарем, а вот с опричниной повела решительную борьбу. Иван очень быстро оказался под ее каблуком, и пытки и казни были на время прекращены.

Однако брак продолжался менее года. Деятельность царицы не понравилась многим из приближенных Ивана Васильевича, и вскоре Анну постригли в схиму под именем Дарья и заточили в монастыре. Прожила она еще 54 года и скончалась в августе 1626-го, уже после воцарения дома Романовых.

Призрак Дарьи, говорят, бродил одно время по Введенскому Тихвинскому монастырю Новгородской епархии, где она была настоятельницей, там и похоронена. Также видели ее призрак и в лесах возле Тихвина, где она одно время скиталась, когда монастырь разорили шведы. Но в Москве, насколько можно судить, Колтовская не появляется.

Бояре уже не хотели отпускать своих дочерей к царю, и даже всячески прятали их. Потому Грозный, поняв, что просто так ничего не выйдет, решил снова жениться. Пятый его брак, с дочкой князя Долгорукого, оказался очень короток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.